

Mikhailovich in the "imperiological" context as an epilogue of empire-building in the second half of the XVII century.

Keywords: Moscow state, imperiology, "neonatal empire", "imperial situation".

УДК 303.446.4:94(47)"1721-1917"

Код ВАК 13.00.02, 07.00.02

Н.Л. Семенова

ЭТНИЧЕСКИЙ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ К ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В статье анализируются этнический и территориальный подходы к истории Российской империи в современной историографии. Этнический подход представлен в монографии А. Каппелера, а территориальный – в работах К. Мацузато. Автор пришла к выводам, что наиболее востребованными сегодня являются работы, выполненные в рамках регионального подхода, который позволяет изучать характер полиэтнической империи на различных территориях.

Ключевые слова: Российская империя, историография, новая имперская история, этносы, территории.

Отечественная и зарубежная историография достигли значительных успехов в теоретическом осмыслении истории Российской империи, определении ее роли в историческом процессе. Заметным явлением в исторических исследованиях последний лет стали работы представителей новой имперской истории.

Данное научное направление было основано группой ученых, объединившихся вокруг журнала «Ab Imperio»: И.В. Герасимовым, С.В. Глебовым, А.П. Каплуновским, М.Б. Могильнер, А.М. Семеновым. Специальный сборник «Новая имперская история постсоветского пространства» определил принципы нового направления⁶⁸⁵. В частности, было отмечено, что мощный потенциал новой имперской истории заключается в сочетании двух подходов: «эксклюзивного» национального и сравнительно-обобщающего общеимперского⁶⁸⁶. Представители новой имперской истории исходили из того, что «империя – это исследова-

Семенова Наталия Леонидовна, доцент кафедры истории Отечества и методики преподавания истории Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета (453100, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 49); кандидат исторических наук, доцент.

Nataliya L. Semyonova, associate Professor of the Chair of History of the Russia and Method of Teaching, Sterlitamak Branch of the Bashkir State University(453100,Russia, Sterlitamak, Lenina Avenue, 49);candidate of Historical Sciences, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (3473) 43-49-38. Электронная почта/E-mail:natalja_leonid@mail.ru

© Семенова Н. Л., 2017

⁶⁸⁵Новая имперская история постсоветского пространства 2004.

⁶⁸⁶ Там же: 24.

тельская ситуация, а не «структура, проблема, а не диагноз», поэтому империю нельзя описать в рамках одной модели или одного метанарратива. Объектом изучения выступают новые стороны имперского исторического феномена, исследовательское внимание сосредотачивается на имперском опыте, то есть реальном или семантически сконструированном столкновении с различиями на тех аспектах неравенства и дисбаланса власти, с которым это столкновение обычно связано⁶⁸⁷.

Определенное влияние на формирование концепции новой имперской истории оказали работы А. Каппелера, в частности, его монография «Россия – многонациональная империя»⁶⁸⁸. Автор попытался отойти от понимания формирования Российского государства исключительно как русской национальной истории⁶⁸⁹.

В центре внимания А. Каппелера оказались следующие исследовательские проблемы: методы, средства экспансии и включения в состав империи территорий с «чужеродным этнически и конфессионально населением», отношение местных элит к присоединению их территории, процесс и особенности встречи различных культур и религий, результаты изменений в самой полиэтнической империи после присоединения новых земель.

Исследователь полагает, что этнические группы России не входили в четкие рамки определенных социальных групп, поэтому этнические и конфессиональные критерии не могут быть решающими для характеристики социальной структуры государства⁶⁹⁰. Несмотря на то, что элита империи была преимущественно русской, она принимала в свой состав и нерусских, прежде всего татар-мусульман, затем протестантов – прибалтийских немцев и финляндцев, католиков-поляков. В жизни оседлых народов на периферии империи нерусские элиты, как пишет А. Каппелер, играли ведущую роль, сохранив свою административную автономию. Элиты народов-кочевников также сохранили свои прежние позиции, хотя и не были включены в российскую сословную систему.

Нерусское население Российской империи выполняло важные функции в управлении и в военной области. В России в дореформенное время имелось слишком мало хорошо образованных специалистов, поэтому нерусские элиты в своих регионах и после присоединения сохранили в своих руках ведущие функции в сфере управления, права, судопроизводства и полицейского дела⁶⁹¹. Нерусские народы были широко представлены в военной области. В Московском государстве военную конницу регулярно пополняли отряды кочевых народов.

⁶⁸⁷ Там же: 28.

⁶⁸⁸ Каппелер 2000.

⁶⁸⁹ Там же: 267.

⁶⁹⁰ Там же: 93.

⁶⁹¹ Там же: 97.

Башкирская конница участвовала еще в Семилетней войне, в Отечественной войне 1812 г. Именно иррегулярная конница, состоявшая из кочевых народов, способствовала тому, что российское войско на Западе нередко воспринимали как нечто варварское и азиатское.

Российскую политику по отношению к нерусским народам Российской империи Каппелер определил, как прагматичную, гибкую и толерантную. Однако, с точки зрения многочисленных нерусских народов, особенно представителей тех, которые до присоединения к России имели политическую самостоятельность, все это выглядело совсем иначе: владычество России рассматривалось как насильственное чужеродное господство, которое пыталось подчинить нерусские народы чуждой им административной и социальной системе, а в более отдаленной перспективе навязать им чуждую религию и культуру, и это вызывало протест коренного населения⁶⁹². Но после того как волнения нерусского населения удавалось подавить, правительство вновь решало, что для безопасности государства более подходящей является гибкая, умеренная политика, а не продолжение репрессий. Таким образом, сопротивление нерусского населения было важным фактором, определяющим более сдержанный характер российской политики. Каппелер отмечал, что в целом в дореформенный период большинство этносов, входивших в состав Российской империи уже не ставили своей целью восстановление собственной независимости, они стремились защищать свои права и привилегии, гарантированные Россией при присоединении⁶⁹³.

Определяя характер Российского государства, А. Каппелер заключил, что оно не являлось «колониальной державой». Элементы колониальной политики имели место, например, по отношению к народам Сибири и – с XVIII в. – к кочевникам Степи. Россия представляла собой такой вариант полиэтнического европейского государства, который характеризовался сильно выраженной структурной гетерогенностью, проявлением такого «исторического казуса», когда «государственный» народ оказался позади многочисленных других этносов в своем развитии, и амбивалентностью между старыми, возникшими в евразийском контексте традициями, и новыми, перенятыми на Западе образцами⁶⁹⁴.

Процесс присоединения огромных территорий в Азии носил для России традиционный амбивалентный характер. С одной стороны, Петербург и дальше развивал традиции прагматичной политики, считаясь со сложившимся статус-кво в социально-политических и хозяйственных структурах и системах ценностей, стремясь достичь социальной, а в отдаленной перспективе, и культурной интеграции чужих сообществ через сотрудничество с нерусскими элитами. С другой стороны, на протяжении

⁶⁹² Каппелер 2000: 116.

⁶⁹³ Там же: 119.

⁶⁹⁴ Там же: 122-123.

XIX в. Россия переняла у западноевропейских колониальных держав самосознание относительно того, что она должна якобы исполнить в Азии некую цивилизаторскую миссию, «неся примитивным нерусским свет более высокой европейской культуры»⁶⁹⁵. Ярким подтверждением этой тенденции стало принятие Положения об инородцах 1822 г., которое, как заключает А. Каппелер, исключило охотников, собирателей и кочевников из круга равноправных граждан империи.

С 1831 г., по наблюдениям А. Каппелера, российская политика по отношению к народам империи обнаруживала нарастающую тенденцию к репрессиям и усилению унификации. Главными приоритетами для правительства стали безопасность и государственное единство.

В 60-х гг. XIX в. на первый план начали выдвигаться задачи административной унификации и языково-культурной русификации. Однако, как справедливо замечает А. Каппелер, российская политика в отношении различных народов имела свои особенности: в ряде случаев она была направлена вовсе не на их интеграцию, а на сегрегацию и дискриминацию. Это касалось прежде всего тех, кто был отнесен к правовой категории «инородцы» и в принципе не считался «природными» жителями империи. Еще более четко эта политика проявлялась в отношении оседлых мусульман Средней Азии, а с 80-х гг. и евреев. Политика культурной интеграции также не была единой в отношении разных народов империи. Если на западе и на юге России пытались внедрить русский язык в дело-производство, судопроизводство и школьное образование, то по отношению к народам Среднего Поволжья, Урала, Степи и Сибири, наоборот, их родные языки должны были стать средством обращения их в православие⁶⁹⁶. Поэтому термин «русификация» не может раскрыть все особенности и сложности происходивших процессов.

Результаты политики русификации, по мнению ученого, носили амбивалентный характер, а ее важнейшую цель можно считать достигнутой: в Российской империи царил мир и порядок, в период между 1864 и 1905 гг. не было ни одного крупного восстания нерусского населения. Административное объединение и централизация России в XIX в. также продвинулись вперед, культурная русификация вела к тому, что национальные движения восточных славян и литовцев были сильно заторможены, и у многих народов сильно отставало развитие народного образования на родном языке.

С другой стороны, именно политика культурной русификации и дискриминации неправославного населения принесла свои отрицательные результаты: произошла мобилизация против России не только образованных элит, но и более широких кругов, например, поляков, литовцев, армян и жителей Финляндии.

⁶⁹⁵ Там же: 153.

⁶⁹⁶ Каппелер 2000: 203.

Спустя восемь лет после выхода своей монографии, А. Каппелер дал оценку своему исследованию, отметив, что изучение полиэтнической империи стало более интенсивным⁶⁹⁷. Он пришел к выводу, что его попытка провести исторический синтез полиэтнической Российской империи столкнулась со сложной методологической проблемой: оказалось невозможным противостоять господствующему принципу русоцентризма в истории России и поставить в центр научного анализа подчиненные Россией народы (это важнейшая задача национальных историографий). Ориентированное на империю исследование должно концентрироваться на государстве, которое определяет единство изучаемого предмета⁶⁹⁸.

Выход монографии А. Каппелера вызвал дискуссию в историографии. Так, японский исследователь К. Мацузато согласился с тем, что автор сосредоточил свое внимание на этнографическом, а не этнополитическом контексте российской истории, рассматривая отношение правительства отдельно к каждому народу, «игнорируя соотношения между национальными политиками центральных и местных государственных органов, касающимися народов, проживающих в одном и том же крае»⁶⁹⁹.

Профессор К. Мацузато убежден, что Российская империя была построена на чисто территориальных принципах. Она «управляла не этносами, а территориями; этносами управляли территории (генерал-губернаторства) по согласованию с центром, но, тем не менее, довольно самостоятельно»⁷⁰⁰. Существование генерал-губернаторств включало в себя зачатки федерализма, «это был территориальный, а не этнический федерализм»⁷⁰¹. Макрорегиональные единицы (края) представляли собой, как полагает К. Мацузато, «театры», в которых начальники (генерал-губернаторы) могли проводить довольно самостоятельную национальную политику. Причем нельзя рассматривать национальную политику вне территориального контекста: политика правительства не могла быть одинаковой в Правобережной Украине и Левобережной, которая считалась «внутренним» районом империи.

К. Мацузато доказывает, что империя состояла из трех частей: «внутренних губерний», краев с «этнополитиканскими» генерал-губернаторами и краев с хозяйственными генерал-губернаторствами⁷⁰². Основная часть «внутренних губерний», территориальное ядро империи, включало три макрорегиона: бывшую территорию Московского государства, Волго-Уральский регион и Левобережную Украину. Именно данные три макрорегиона обеспечивали устойчивое территориальное единство Российской империи, которая являлась, по мнению К. Мацузато, своего

⁶⁹⁷ Каппелер 2010: 279.

⁶⁹⁸ Там же: 270.

⁶⁹⁹ Мацузато 2004: 429.

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ Там же: 430.

⁷⁰² Там же: 436.

рода «коалиционным государством трех макрорегионов»⁷⁰³. Генерал-губернаторы хозяйственники, управляли восточными районами империи, а генералы-этнополитики – западными. Разница функций «генералов-этнополитиков» и «генералов-хозяйственников» нашла отражение в содержании их всеподданнейших отчетов⁷⁰⁴. В отчетах степных, туркестанских, западно- и восточно-сибирских генерал-губернаторов преобладают хозяйственные вопросы, в отчетах западных генерал-губернаторов и кавказских главных начальников – этнополитическая ситуация в крае. Разница задач генерал-губернаторов нашла отражение в кадровой политике, при назначении кандидатов на эти должности.

К. Мацузато попытался объяснить почему в правительственных кругах Российской империи в XIX в. периодически возникали дискуссии о необходимости повсеместного введения института генерал-губернаторов. Это было связано с тем, что если в западных губерниях и на Кавказе, где Россия была неспособна осуществить русификацию, существование генерал-губернаторов было стабильным, и в известной степени легитимным, то в районах Сибири, Приамурья, которые осваивались достаточно успешно, генерал-губернаторское управление стало первоначальным толчком развития, а по мере дальнейшего освоения региона оказывалось тормозом. Поэтому существование генерал-губернаторского правления и его учреждение на новых землях становились предметом дискуссии в правительстве.

Таким образом, анализ выводов А. Каппелера и К. Мацузато, представляющих парадигму новой имперской истории в современной историографии, показывает, что предметное поле изучения Российской империи значительно расширилось. Сегодня происходит исследование феномена империи через ее контекстуализацию. Вместе с тем, наиболее востребованными и инновационными сегодня являются работы, выполненные в рамках регионального подхода, который позволяет изучать характер политнической империи на различных пространственных плоскостях.

Список источников и литературы

- Каппелер 2000** – Каппелер А. Россия – многонациональная империя. – М., 2000.
- Каппелер 2010** – Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги// Мифы и заблуждения в изучении национализма. – М., 2010. – С. 265-282.
- Мацузато 2004** – Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу// Новая

⁷⁰³ Там же: 452.

⁷⁰⁴ Там же: 453.

имперская история постсоветского пространства: Сборник статей (Библиотека журнала «Ab Imperio») / под ред. И.В. Герасимова, С. В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. – Казань, 2004. – С. 427-458.

Новая имперская история постсоветского пространства 2004 – Новая имперская история постсоветского пространства: сб. ст. / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова. Л. П. Каплуновского, М. Б. Могильнер, Л. М. Семёнова. – Казань, 2004.

Nataliya L. Semyonova

ETHNIC AND TERRITORIAL APPROACHES TO THE HISTORY OF THE RUSSIAN EMPIRE IN MODERN HISTORIOGRAPHY

The article analyzes the ethnic and territorial approaches to the history of the Russian Empire in modern historiography. The ethnic approach is presented in A. Kappeler's monograph, and the territorial approach in the works of K. Matsuzato. The authors concluded that the Naib-Lee in demand today are the work done in the framework of the regional approach, which allows us to study the nature of polietniche Empire in different territories.

Keywords: Russian empire, historiography, new imperial history, ethnoses, territories.

УДК 94(470.5)"1919"
Код ВАК 07.00.02

И.С. Сильченко

ФОРМИРОВАНИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1919 г.

Статья посвящена особенностям организации управленческих структур на начальном этапе существования Екатеринбургской губернии. Автор рассматривает процесс становления Военно-революционных комитетов и особенности перехода от них к системе Советов. Определяются зоны ответственности управленческих структур, их состав, а также оценивается эффективность их работы.

Ключевые слова: Екатеринбургская губерния, Гражданская война, Революционные комитеты, Советы.

Сильченко Иван Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета. Место работы: Музей военной техники УГМК (62091, Свердловская область, г. Верхняя Пышма, ул. А. Козицына-1).

Ivan S. Silchenko, Postgraduate student of the Department of General history of the Ural State Pedagogical University. Affiliation: Museum of military equipment to the Ural Mining and Metallurgical Company. Specialist. 62091, Sverdlovsk oblast, Verkhnyaya Pyshma, street A. Kozitsyn-1).

Телефон/Phone: +7(902)27-77-814; E-mail: 89022777814@yandex.ru